

ДЕФИЛЕ МОДНЫХ СЛОВ

НОВИНКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ВЛАДИМИР НОВИНОВ
Родился в 1948 году в Омске.
Доктор филологических наук,
профессор факультета журналистики МГУ. Автор многих книг, в том числе о Пушкине, Блоне и Высоцком в серии «Жизнь замечательных людей», прозаического произведения «Роман с языком» и эссеистики на темы культуры речи.

Первую попытку устроить такое дефиле предпринял в 1772 году Николай Иванович Новиков. В журнале «Живописец» он затеял «Опыт модного словаря шегольского наречия», и Денис Фонвизин вывел на подиум тогдашние модные словечки «ах!», «бесподобно, беспримерно», «болванчик»... На этом дело замерло, но проблема модного слова продолжала волновать лучшие умы нашей словесности.

Немалое значение речевой моде придавал Пушкин. Он не упускал возможности вернуть в свою речь новое слово и вместе с тем то и дело подшучивал над речевым шегольством. Вот в шестой главе Владимир Ленский в ночь перед роковой дуэлью слагает романтические стихи. «И наконец перед зарю, / Склонясь усталой головою, / На модном слове *идеал* / Тихонько Ленский задремал». Авторский курсив – знак «модности» еще не очень привычного для русской поэзии слова. А в седьмой главе Татьяна приходит в дом Онегина, знакомится с его библиотекой и понимает, что в речах и поведении этого человека немало литературного, почерпнутого из книг: «Что ж он? Ужели подражанье, / Ничтожный признак, иль еще / Москвич в Гарольдовом плаще, / Чужих причуд истолкованье, / Слов *модных* (курсив мой. – В. Н.) полный лексикон?.. / Уж не пародия ли он?» Онегин, как мы потом узнаем, все-таки не пошляк, не пародия на личность. Но подозрение закралось неспроста: многие люди, претендующие на оригинальность, на самом деле представляют собой «слов модных полный лексикон». Они не перевелись и в наши дни, только лексикон обновился, и модники теперь сыплют словами вроде «гендер», «идентичность», «кластер», «нарратив» и т. п.

Следуя заветам классиков, я в 2004 году открыл словарь модных слов в журнале «Новый очевидец». Уже через год эти эссе вышли маленьким книжным изданием. Потом аналогичные рубрики были в «Вечерней Москве», на сайте «Свободная пресса». Они пополняли словарь, который все толстел и в изданиях 2016 и 2019 годов содержал две сотни эссе о модных словах.

Но язык наш не устаёт удивлять. Назрела необходимость уже в седьмом издании. Пробыться в него пожелали многие, но я провел конкурс и отобрал только тридцать слов-новобранцев. Таких, за которыми стоят занятные истории, значимые веяния и «тренды». Сейчас самые модные слова нашего времени пройдут перед вами в алфавитном порядке. Аплодисменты необязательны, шиканье и свист допустимы. Главное – дать вам пищу для живого обсуждения, для споров о языке и о жизни.

АТМОСФЕРНЫЙ

«Какие вы все противные скептики! Возле вас я задыхаюсь... Дайте мне атмосферы! Слышите? Дайте мне атмосферы!» – восклицает акушерка Змеюкина в пьесе Чехова «Свадьба».

Сильное впечатление производит она своими речами на телеграфиста по фамилии Ять, и он признает: «Конечно, вы привыкли, извините за выражение, к аристократическому обществу...»

В театральной эстетике и практике со временем появилось понятие сценической атмосферы. «Он умел создать “атмосферный строй” спектакля, а это совсем необъяснимо словами», – писал о режиссере Анатолии Эфросе актер Николай Волков, игравший роль Подколесина в «Женитьбе». Возникнет уже в XXI веке и качественное прилагательное «атмосферный», ничего общего не имеющее с утилитарными терминами «атмосферный столб» и «атмосферный фронт». Тут речь о сочетании театральной магии с доверительностью. В рецензии на современную постановку пьесы «Дядя Ваня» читаем: «Атмосферный, человечный, негромкий спектакль с безнадежной печалью внутри».

Из области физики прилагательное «атмосферный» перешло в сферу театральной эстетики, а оттуда – в быт, в ресторанный сервис. Сегодня телеграфисту Ятю было бы совсем нетрудно «дать атмосферы» капризной даме. Достаточно пригласить ее в «атмосферное кафе» или «атмосферный бар». А вот из серьезных разговоров об искусстве этот эпитет постепенно уходит. Читаешь: «Ну очень атмосферный мульт про постапокалипсис», – и такая риторика не сильно убеждает.

БУЛЛИНГ

В последние годы часто вспоминают фильм режиссера Ролана Быкова «Чучело», снятый по повести Владимира Железникова и вышедший на экраны в 1983 году. Обсуждают в связи с проблемой «школьного буллинга», хотя такое выражение создателям фильма не было известно. Сюжет повести и фильма – травля, которой подверглась шестиклассница Лена Бессольцева со стороны своих одноклассников. Проблема, поднятая в фильме сорок лет назад, стала с тех пор еще актуальнее.

Понятие и слово «травля» существуют издавна. Зачем понадобился еще и иноязычный синоним, восходящий к английскому bullying?

Затем, что «травля» – понятие широкое, и в основе его лежит метафора («травить зверя»). Травлей часто называют преследование выдающихся деятелей культуры и науки невежественной властью и беспринципными коллегами. Классический пример – травля Анны Ахматовой и Михаила Зощенко после постыдного партийного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 году. Травле подвергся в 1958 году Борис Пастернак, когда ему присудили Нобелевскую премию. «Я пропал, как зверь в загоне...» – та-

кие стихи вырвались у него из души. А через десять лет Владимир Высоцкий после газетных на него нападок сложил легендарную «Охоту на волков». Это все, к сожалению, трагические факты истории нашей культуры.

А «буллинг» – понятие обыденное, но от этого не менее страшное. Ребенка, чем-то отличающегося от окружающего большинства, начинают в школе преследовать, оскорблять, унижать морально, нередко – избивать. Это может обернуться самоубийством, а то и террористическим актом со стороны доведенной до отчаяния жертвы. Это социальный недуг, который надо обозначить безэмоциональным, лучше иностранным словом. Раньше в таких случаях использовали греческий и латынь, теперь больше в ходу язык английский. У директора школы, у школьного психолога могут спросить: «А имелись в вашем учебном учреждении факты буллинга?»

Это слово – сигнал тревоги. В любой момент наше спокойствие может нарушить неприятный, шокирующий звук: «Буллинг!» И все мы – родители, педагоги, просто граждане – должны быть готовы к разумной и эффективной реакции.

ГЕНДЕР

Это слово обозначает не столько предмет или понятие, сколько проблему.

С точки зрения языка все довольно просто. «Гендер» – синоним слов «род» и «пол». Все изучавшие английский язык встречались со словом gender как грамматической категорией рода. Латинское gens – это именно «род».

В русский язык сначала вошло прилагательное «гендерный», то есть связанный с различиями людей по полу. Социологи говорят о гендерном статусе личности, гендерная лингвистика изучает различия между мужской и женской речью. Все это вещи реальные, эмпирические.

Ну и слово «пол» (и производное от него прилагательное «половой») благополучно жило в нашем языке, пока не стало вытесняться «сексом». Женский пол, мужской пол – две половины человечества. Что тут мудрить?

Но людям (обоих полов) свойственно мудрить. «And just like angels we don't quite know our gender», – сказал кто-то по-английски. То есть: «И точно так же, как ангелы, мы не знаем, какого мы рода (пола)». Так возникает проблема «гендерной идентичности», не тождественной биологическому полу человека. «Гендер» в мировом языке превратился в сложную антропологическую загадку, сделался предметом тысяч статей, докладов, монографий. Но это уже материя, так сказать, экстралингвистическая, не языковая. Ее надлежит трактовать не в словаре, а в энциклопедии. Мы же можем только констатировать, что это слово – очень модное, не свойственное обыденно-разговорному языку, но гордо звучащее в научно-культурном пространстве.

ДУМСКОРЛЛИНГ

Не знаете, что это такое? Поздравляю! Очень рад за вас. Лучше вообще не знать этого слова. Очень уж у него нехорошее значение. Читаем в прессе: почти четверть россиян подвержены думскроллингу, то есть стремлению к просмотру и чтению негативных новостей. Doomscrolling = doom (злой рок, гибель) + scrolling (прокручивание, листание).

Это уже, как говорится, диагноз. Многие люди настолько отвыкли от хороших новостей, что начинают получать нездоровое удовольствие от явно-го информационного негатива. По принципу «чем хуже, тем лучше».

А может быть, они это делают из чрезмерной осторожности? Чтобы знать, какие опасности им грозят, и приготовиться к самозащите. Ведь предупрежден – значит вооружен.

Нет, не проходит такое объяснение. Как только это слово в 2018 году впервые появилось в «Твиттере», там же пошли увещевания типа «Taking a break from doomscrolling» («Отдохни от думскроллинга»). Тут еще приключилась пандемия коронавируса, и пресловутый думскроллинг (как его ни назови) стал своего рода вирусом. Психологи считают, что он деморализует людей, приводит к бессоннице, к депрессии, к потере уверенности в себе.

Doomscrolling побывал английским словом года в 2020 году. У нас он еще только претендует на статус модного слова. Скрепя сердце включая его в словарь и надеюсь на то, что противное словечко «скоро выйдет из моды» (прибегаю к обеззараживающему слогу Высоцкого). А главное – чтобы все мы дожили до хороших новостей.

ЗАКРЫТЬ ГЕШТАЛЬТ

Слово «гештальт» до недавнего времени было сверхнаучным. Немецкое слово Gestalt переводится как «форма, образ, структура». В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина дается с пометкой «психол.», то есть как термин психологии, и объясняется следующим образом: «Целостный образ, целостная структура, формирующаяся в сознании человека при восприятии объектов, при представлении о них». В начале XX столетия сложилась гештальтпсихология как научная отрасль, а ближе к нашему времени и гештальттерапия как способ лечения неврозов. Главное здесь – принцип целостности, завершения, доведения до конца.

На территорию разговорного русского языка немецкий гость въехал исключительно в составе выражения «закрыть гештальт», ставшего настолько популярным, что вышел даже телесериал с таким названием. Там герой обретает сверхъестественную способность вступать в контакт с умершими близкими, давать их душам упокоение и тем самым закрывать их «гештальты».

Да, наше целостное представление о человеке складывается на протяжении всей жизни, а иногда мы так и не успеваем «закрыть гештальт», довести отношение к чужой личности до полной ясности. Но такая метафизика слишком тяжела для житейского сознания, и выражение «закрыть гештальт» перешло в быт, где сделалось довольно легкомысленным. Съездить в город или страну, где давно намеревался побывать. Посетить музей, навеститься в который собирался всю жизнь. Искупаться наконец в море, на котором довелось отдыхать в непогожее время. Написать письмо человеку, в отношениях с которым зависла пауза. Вот что люди теперь обозначают понятием «закрыть гештальт». Шутя – и в то же время серьезно.

Мы живем в пространстве несбывшихся надежд и мечтаний, невыполненных обещаний, нереализованных проектов – в общем, можно сказать, незакрытых гештальтов. И то, что сам язык советует нам приняться за их закрытие, – факт по-своему отрадный.

КЕЙС

Преподаватель открыл свой старый кейс и достал оттуда сборник кейсов, чтобы разбирать их со студентами.

Такая жизненная ситуация в принципе возможна, пока существуют еще небольшие плоские чемоданчики по имени «кейс». «Этим словом в далеком

прошлом называли модные портфели, которые иногда еще звали высоким словом «дипломат». Из них, по идее, должны были извлекать только дефицитные вещи – бутылку дорогого коньяка, шоколадные конфеты и баночку черной икры», – читаем у современного прозаика Владимира Березина.

Теперь более модны портфели из дорогой мягкой кожи, а сверхпопулярной лексической новинкой стало слово «кейс» в значении «реальный случай, на котором разбираются теоретические идеи». Бизнес-кейсы – один из главных методов обучения деловых людей, способ отбора претендентов на высокую должность. Бывают и юридические «кейсы», то есть дела, представляющие познавательный интерес.

В смысле этимологии, происхождения «кейс» и «кейс» даже не родственники. В английском языке слово case как «сумка, портфель» восходит к французскому casse, а если копнуть историю поглубже, доберемся до латинского cassa (ящик). Из этой семьи и «касса» (первоначально ящик для денег), и «кассета» (ящичек). Case же как «дело, случай» – от французского слова cas, а то в свою очередь приводит к латинскому casus. Наш русский «казус» – отсюда же.

То есть «кейс» и «кейс» – по сути омонимы. «Кейс» как портфель – это уже давно нейтральное слово. А «кейс» как поучительный, показательный случай – слово роскошное и модное. Потому им порой щеголяют.

«В этом смысле мое избрание – это был офигенный кейс», – хвалится начинающий карьерист. А некая впечатлительная особа рассказывает: «Если бы со мной такой кейс приключился, я бы орала как резаная и при первой же возможности сожгла на фиг такую игрушку». Не лучше ли было в обоих примерах употребить слово «случай»?

Вдруг всплыли в памяти строки из блестящей пародии Леонида Филатова:

*Вспоминается такой
Казус,
Вспоминается такой
Случай...*

Право же, слов «казус» и «случай» вполне достаточно, чтобы обозначать происходящие с нами бытовые недоразумения. А модное слово «кейс» оставим бизнесменам и юристам.

КЛАСТЕР

«Группа или связка из нескольких отдельных элементов, расположенных близко друг к другу» – такое значение имеет общенаучный термин cluster в английском языке. Изначально это слово еще имеет такие смыслы: «скопление, пучок, гроздь».

Какие только скопления и пучки не обозначаются в разных научных отраслях понятием «кластер»! Элементарные частицы и небесные светила, согласные звуки и кучевые облака, совместно работающие компьютеры и пчелы, хранящиеся при низкой температуре...

В научной сфере «кластер» – необходимая единица систематизации. А вот в нестрогом употреблении этот термин приобретает оттенок декоративности. Читаем, например: «Одна из характерных черт социальных сетей – наличие кластеров, то есть скоплений знакомых друг с другом людей». Звучит, конечно, солидно. Не просто шапочные знакомые, а люди одного кластера!

Очень полюбилось модное слово управленцам. Они только и ищут возможность объявить об учреждении нового кластера: под это дело можно и сред-

ства получить, и штат увеличить. «Не желает ли Глеб подумать над предложением возглавить офис-кластер?» – такой вопрос возникает в романе Алексея Иванова «Комьюнити». Ну, с Глебом там все непросто, а вообще у нас любителей возглавить что-нибудь – хоть пруд пруди. Потому и растут кластеры как грибы. В глазах уже рябит при чтении новостей: «Площадка на улице Березовой предназначена для размещения пищевого кластера». И совсем по другому поводу: «Все площадки уже заезжены, а кластер расширит рамки для творчества».

В романе Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам» герой по имени Кеша созерцает различные вселенские кластеры и высказывается о них крайне отрицательно:

«Еще кластер походил на заоблачное гетто. На фантастическую помойку среди облаков, какую мог бы нарисовать генетический гибрид Босха и Дали. Кластер, собственно, и являлся помойкой – свалкой отходов человеческой жизнедеятельности, самой токсичной частью которых были сами люди».

Пелевин, как всегда, гиперболизирует, наделяя своего героя такой желчностью и мрачностью. Но само сближение слов «кластер» и «помойка» говорит о том, что модное слово слишком заездили.

КОГНИТИВНЫЙ ДИССОНАНС

В 1957 году американский психолог Леон Фестингер выпустил книгу «Теория когнитивного диссонанса», которая приобрела широкую популярность.

Что такое когнитивный диссонанс? «Состояние психического дискомфорта индивида, вызванное столкновением в его сознании конфликтующих представлений: идей, верований, ценностей или эмоциональных реакций» – отвечает отечественная энциклопедия. С первого раза не поймешь и не запомнишь: в голове возникает не ясность, а диссонанс какой-то. Заглянем в энциклопедию английскую. Там короче и проще: «the perception of contradictory information and the mental toll of it». То есть «восприятие противоречивой информации и связанные с этим умственные потери». И цветная картинка в статье помещена: лиса и виноград из известной басни Эзопа. Под ней подпись, поясняющая: когда лисе не удастся достать желанную гроздь винограда, она решает, что на самом деле не хочет этого фрукта, потому что он кислый. И научное истолкование: лисий «акт рационализации (оправдания) уменьшил ее беспокойство по поводу когнитивного диссонанса, вызванного желанием, которое она не может реализовать».

Вот теперь более или менее ясно. Не знал Эзоп, что он еще в шестом веке до нашей эры описал случай когнитивного диссонанса.

А в русский научный и литературный язык это выражение прямо-таки хлынуло в XXI веке. Причем им шеголяют не только ученые схоласты, но и прозаики, сориентированные на массового читателя. В романе Алексея Иванова «Комьюнити» читаем: «Почему-то мне хочется, чтобы вы сразу поняли обо мне какие-то вещи. Чтобы не было когнитивного диссонанса». Можно было без всякого ущерба для смысла написать: «Чтобы не было недоумений». Но тогда не было бы так красиво.

А вот «Дневник измены» Елены Колиной, работающей в жанре семейной саги: «Жуткая штука этот когнитивный диссонанс: как только мы чувствуем, что наши действия не вполне безупречны с моральной точки зрения, то ментально придумываем себе подходящее к случаю оправдание». Персонажи, оказывается, не просто грешат, но переживают когнитивный диссонанс.

Положа руку на сердце, «когнитивный диссонанс» без всякого ущерба для смысла можно заменить традиционным эквивалентом. В контексте научно-философском столкновение конфликтующих идей издавна обозначалось понятиями «противоречие», «антиномия», «парадокс» – это общепонятные международные термины. А в контексте житейском то, что писатели тщатся обозвать «когнитивным диссонансом», точнее передается такими словами и выражениями, как «путаница», «недоразумение», «бестолковщина», «каша в голове», «неразбериха», «смута»...

Модные слова можно сравнить с модной одеждой. Модно – это «то, что сейчас носят». Бывают модные платья, шляпы, костюмы. А бывают модные аксессуары. Они не греют, не защищают, не создают удобства. Но они дают возможность щегольнуть, выделиться, произвести впечатление. Вот и «когнитивный диссонанс» в русском языке – это нечто вроде словесной бижутерии. Ее носят многие. Практически – познавательного смысла ноль. Но блестит.

КОЛЛАБОРАЦИЯ

Собственно, по-русски это значит «сотрудничество». И необходимости в использовании латинского слова не было. А в эпоху мировых войн возник международный термин «коллорационизм» – сотрудничество жителей оккупированной страны с захватчиками. Нина Берберова в книге «Курсив мой» писала о том, как русские эмигранты не хотели водиться с людьми, «запаханными коллорацией с немцами».

Шли годы. Нехорошая коннотация из слова «коллорация» выветрилась, и оно замелькало повсюду, где идет речь о совместной работе. Парижская фирма сумок «выпустила коллекцию, созданную в коллорации с известной художницей». «Главной коллорацией года в русском роке безусловно станет песня “Я остаюсь”, записанная Гариком Сукачевым с друзьями» и т. п. А уж «коллорация брендов» на наших глазах делается устойчивым выражением.

Так стали называть не только сам процесс трудового и творческого взаимодействия, но и масштабные мероприятия и даже официальные организации: «В ближайшие годы коллорация планирует развернуть в полярных и субполярных регионах еще семь новых радаров». Тут уже не заменишь лексическую новинку на исконно русское «сотрудничество».

В общем, никуда нам не уйти от «коллорации». Скоро сие слово утратит оттенок речевого щегольства и станет не модным, а обыденно-нейтральным.

КОУЧ

В кириллицу это слово переделось совсем недавно. Coach было сугубо английским словом и означало то же, что и слово trainer, а именно – тренер.

Чтобы понять, зачем понадобилось новое слово, приходится залезать в дебри английской этимологии. Coach – это еще и карета (а потом и автобус так стали называть). И вот в очень давние времена в Оксфорде коучем стали именовать того, кто готовит студента к экзамену. Натаскивает, говоря уже по-русски. А «коучинг» – это буквально означает перенесение людей в то место, до которого они хотят добраться. В спорт слова «коуч» и «коучинг» пришли уже позднее.

«Коучинг» – это обучение, нацеленное на конкретный результат. Не витание в облаках, а решение реальной задачи. Бизнес-коучинг, научный коуч-

чинг осуществляются в тесном контакте между коучем и обучающимся. Это в духе нашего прагматичного времени. Опытный, квалифицированный ремесленник натаскивает ремесленника начинающего.

Но есть еще и «лайф-коучинг». Есть люди, которые называют себя «коуч личностного роста»: так и пишут в рекламных объявлениях. Интересно, в каких единицах измеряется личностный рост – все-таки это довольно метафоричное выражение.

Потому не случайно появляется информация о том, что большинство лайф-коучей и коучей личностного роста не проходили сертификацию или специальное обучение. Как-то некстати начинаешь вдруг ощущать созвучие слов «коуч» и «неуч».

КРАШ

Молодежный жаргон и речевая мода – разные вещи. Модное слово общеизвестно и более или менее понятно, а сленговое слово адресуется только «своим». В давние времена на эту тему шутили. Юнцы звонят друг другу и извещают: «Шнурки в стакане». Это означает, что родители дома. Теперь про шнурки никто не помнит, поскольку жаргон меняется очень быстро. А речевая мода все-таки должна выдержать исторически ощутимый срок. Модное слово претендует на то, чтобы остаться или хотя бы задержаться в языке.

Потому в нашем словаре слова из молодежного жаргона представлены скупо. Но не перед всеми мы ставим шлагбаум. Приглядимся к слову «краш», часто мелькающему в информационном потоке. Его значение – «человек, который нравится».

«У меня, кажется, новый краш». «Это мой бывший краш». В интернете уже к картинке любовного объяснения в четвертой главе «Евгения Онегина» приладили надпись от имени Татьяны: «Онегин, вы мой краш...»

Но почему, спрашивается, для этой цели использовано английское слово crush, означающее «раздавить», «сокрушить»? Именно в таком качестве его употребил Василий Аксенов в романе «Остров Крым»: «Фулл краш, товарищ Сергеев».

Наверное, здесь дело в том, что влюбленный (влюбленная) порой хранит свое чувство в тайне, а иногда, к сожалению, не встречает взаимности. Тот же Онегин поначалу устраивает Татьяне «фулл краш», а в финале романа сам терпит крах.

Но в русском языке «краш» вступил в неминуемую переключку с наречием в сравнительной степени «краше», то есть «красивее». «Ты всех краше», – так говорят любимой. «Краше» – форма традиционно-поэтическая. Поэтому молодежное слово «краш» звучит, в общем, радостно и весело. «Не бывает любви несчастной» (Борис Заходер). «Не бывает любви несчастливой» (Юлия Друнина). Значит, счастлив каждый, у кого есть свой «краш».

КРИНЖ

К этому слову из молодежного жаргона советую присмотреться. В нем, может быть, ключ к менталитету тех наших сограждан, которые родились уже в XXI веке.

Первичное значение английского глагола cringe – «сжегиваться». Как существительное это слово переводится по-разному, наиболее важное значение в данном случае – «отвращение». Российская молодежь понимает

«кринж» прежде всего как чувство стыда за поведение другого человека (иногда это называют еще «испанский стыд»).

Попросил я однажды студентов привести примеры жизненных ситуаций, которые могут попасть под понятие «кринж». Ответ первый: например, девушка случайно заглядывает в смартфон своего молодого человека и видит там множество девичьих имен. «Кринж!» – восклицает она. Ответ второй: вот выступает популярный певец, обладатель громкого голоса и большого малоподвижного туловища, неумоимо меняющий сценические костюмы. К нему бросается с букетом цветов немолодая особа, которую он принимает довольно неизящно тискать. «Кринж!» – такова реакция юных и на попсового кумира, и на его поклонниц.

Молодежь, вопреки расхожим мнениям, довольно строга и требовательна. Ложь и пошлость вызывают у нее произвольное отталкивание, для обозначения которого и послужило иноязычное словечко. Привычные слова «стыд и срам» слегка притупились и нуждались в обновлении, в «остранении» (пользуясь легендарным термином Виктора Шкловского). Нынешнему юношеству еще предстоит разгрести исторические завалы. И не раз они, обмениваясь в своем кругу воспоминаниями, наблюдениями и впечатлениями, скажут: «Ну, это кринж!»

Но не стоит людям солидного возраста даже пытаться ввести «кринж» в собственную речь. Такое заигрывание с молодыми будет выглядеть слишком «кринжово».

ЛАЙФХАК

«Не спешите выбрасывать тюбик, если в нем закончилась зубная паста. Прогладьте тюбик холодным утюгом, и вы сможете еще один раз почистить зубы».

Подобные советы публиковались в 1960–70-е годы в журнале «Наука и жизнь». Рубрика называлась «Маленькие хитрости» и пользовалась читательским успехом, поскольку в эпоху тотального дефицита (даже зубная паста порой исчезала из продажи) людям приходилось идти на разные бытовые уловки и ухищрения. В таких случаях часто произносили старую русскую поговорку «Голь на выдумки хитра». А сейчас это вспоминают как забавные курьезы и публикуют под заголовком «Советские лайфхаки».

«Лайфхак» – слово модное и молодое. В графе «Год рождения» у него пишут «2004», а родителем считают журналиста Дэнни О’Брайена, пишущего на технологические темы и выступившего на конференции в Сан-Диего с докладом на довольно специальную тему: «Лайфхаки – технические секреты сверхпродуктивных альфа-гиков». В оригинале ключевое понятие пишется в два слова: Life Hacks. Hack – это «взлом». От него произошли нехорошие хакеры. Но метафора Life Hack носит позитивный, созидательный характер. В ней есть нечто авангардное, почти футуристическое. Недаром О’Брайен и блогер Мерлин Манн заявили в 2005 году масштабную формулу Life Hacks Live («Жизнь взламывает жизнь»). То есть речь идет о естественном самообновлении жизни. А мы участвуем в этом жизненном процессе, когда докапываемся до глубин бытия, изобретаем, новаторствуем.

Однако и в английском, и в русском языках модное слово стали применять к самому широкому спектру явлений. Им обозначают общепризнанные представления и банальные бытовые навыки. Известную журналистку спрашивают: «У вас как у многодетной мамы есть какие-то лайфхаки по орга-

низации детей, быта?» Она отвечает: «Мой главный лайфхак заключается в том, что дети учат родителей точно так же, как родители учат детей». Золотые слова, только они известны уж никак не меньше, чем тысячу лет. Для того чтобы осознать эту мудрость, не надо ничего «взламывать». Это не лайфхак, а, простите, трюизм.

И уж совсем умилительно читать какие-нибудь «Пять лайфхаков, которые сэкономят время при уборке кухни». Хотите узнать секреты, хитрости, а получаете «Лайфхак № 2. Мыть посуду и плиту сразу». Кому это адресовано? Грязнуде Федоре из сказки Корнея Чуковского «Федорино горе»? Да аккуратистики и чистюли и так все моют сразу, без всяких лайфхаков!

В русском языке этому словечку не совсем уютно хотя бы по причине артикуляционного дискомфорта: на стыке звуков «ф» и «х» каждый говорящий ощущает неудобство – так ради чего его терпеть? Во внутренние дела английского языка мы не вмешиваемся, но сказывают, что там люди подустали от слишком частого употребления лексической новинки, и уже в 2015 году возопили: «Stop Calling Everything a Life Hack». То бишь: кончайте называть все лайфхаками.

Может быть, применить к непомерно модному слову такой «лайфхак», как речевой лимит, чувство меры? Рекомендовать умеренное, дозированное употребление, разумное использование для именованья реальных инноваций? А то ведь надоест этот «лайфхак» пуше горькой редьки, и все начнут его просто избегать.

ЛУК

В кириллическую одежду не очень давно облачился у нас английский look, то есть «взгляд, вид, взор, внешность». Таковы возможные переводы, наиболее близким из которых в нужном нам контексте, пожалуй, будет «вид».

Многим новое слово русского языка пришлось не по вкусу: «Такие слова использует деградирующая молодежь. Есть же слова “образ”, “внешность” – чем не подходят? Не модно?»

Это характерная реплика из сетевой дискуссии по поводу слова «лук». Да, именно мода вызвала к жизни новое слово, которое по отношению к луку зеленому и репчатому стало случайным омонимом. Труженики индустрии моды дают достаточно четкое определение нового русского слова: «продуманный до мелочей образ, который включает в себя одежду, обувь, аксессуары, прическу, маникюр, макияж».

Людам старшего поколения такой идеал действительно может показаться свидетельством «деградации». «В человеке все должно быть прекрасно – и лицо, и душа, и одежда, и мысли» – эти слова чеховского доктора Астрова у нас навсегда были отпечатаны в сознании. А что нам теперь предлагают взамен? «И лицо, и одежда, и обувь, и аксессуары?»

Но в том-то и штука, что нам никто ничего не предлагает и не навязывает. Представление о правильном модном «луке» объективно существует в новом, помолодевшем обществе. «Модную ошибку может совершить каждый, а грамотно собрать стильный лук – увы, нет», – читаем в одном интервью. И за этим «луком» стоит своеобразная эстетическая модель, для обозначения которой привычные слова «образ» и «внешность» слишком широки и недостаточно прицельны.

Недовольным придется потерпеть.

НАРРАТИВ

Раньше это было не модное слово, а филологический термин с очень конкретным значением. Он был предназначен для той научной среды, где все владеют латынью и знают глагол *narrare* – рассказывать, повествовать. Соответственно «нарратор» – это рассказчик, повествователь, а «нарративный» – повествовательный. Существительное «нарратив» возникло позднее и до поры до времени означало просто «повествование».

Вы спросите: а нельзя ли обойтись русским «повествованием», без импортного синонима? Можно, но не всегда. «Повествование» – слово с широким значением: это и процесс, и результат. А иногда нужен термин именно со значением результата, обозначающий готовый повествовательный текст или часть текста. Скажем, гоголевские «Мертвые души» – это обширный нарратив, а внутри этого произведения есть еще один нарратив – «Повесть о капитане Копейкине», где рассказчиком (нарратором) выступает почтмейстер. Уместен термин «нарратив» и в разговоре о стихах. Поэтический нарратив (рассказ в стихах) большую роль играет у Пушкина – от «Песни о вещем Олеге» до «Евгения Онегина».

Не каждому дано умение творить нарративы, для этого требуются определенные природные способности. А вот рассуждать о нарративах и усложнять значение термина, в общем, нетрудно. Этим и занялись в конце прошлого века постмодернисты. Их усилиями понятие нарратива приобрело следующее толкование (перед чтением сделайте глубокий вдох): «Проблема взаимоотношения между рассказом-нарративом и жизнью, рассматриваемая как выявление специфически нарративных способов осмысления мира и, более того, как особая форма существования человека, как присущий только ему модус бытия...»

Мудрено? А это еще самое простое определение, которое дал специалист по постмодернизму И.П. Ильин, обобщая опыт множества иностранных и отечественных мудрецов. Кто не понял процитированной дефиниции, тот может вообще в своей речи не употреблять слова «нарратив». Вполне можно без него обойтись.

Но людям не хочется простоты и ясности, они шеголяют «нарративом» по любому поводу. Вот как герой повести Ксении Букши «Завод “Свобода”», человек образованный, не без некоторой самоиронии рассказывает о своих неприятностях на работе: «Начальник нашего цеха Павел Петрович Р. при упоминании о моем рацпредложении только грубо ругался и кричал на меня, суть его нарратива сводилась к тому, что я должен испытывать положительные эмоции от пребывания на “Свободе” и вообще на свободе».

Вы спросите: при чем тут нарратив? Начальник ничего не рассказывает, не повествует, а кричит и ругается. Да, но это с точки зрения здравого смысла. А постмодернисты вкупе с постструктуралистами скажут: это такая «форма существования» у Павла Петровича. Грубому начальнику присущ именно такой «модус бытия».

Вся надежда на то, что «нарратив» в «навороченном» понимании скоро выйдет из моды и к слову вернется исходный смысл.

НИЩЕБРОД

«Нищий бродяга» – вот что значило это слово в середине XIX века. В романе Н.С. Лескова «Некуда» (1864) читаем: «”Он, говорит, сам обещал”, – перекривляла Афимья. – Да кто вам, нищерадам, не пообещает! Выпросите».

В таком качестве это слово встречалось у Бунина, у Горького в «Детстве», где Алешу Пешкова в школе обзывали «нищобродом» одноклассники. А в «Жизни Клима Самгина» находим уже перенос значения. Отнюдь не бродяга, а рыжебородый интеллигент, собирающий материалы о музыкантах XVIII века, жалуется на свое материальное положение: «А я – нищоброд, рецензийки для газет пишу. Надо за границу ехать – денег нет. Даже книг купить – не могу...»

В советское время нищобродов у нас не было. Разве что в исторической прозе, например, у Вячеслава Шишкова в «Емельяне Пугачеве»: «Плелись слепцы, калеки, нищоброды».

Старинное словечко всплыло в разговорной и медийной речи постсоветской эпохи. «Нищобродами» оказались отнюдь не бомжи и побирушки, а простые труженики, получающие небольшие зарплаты; пенсионеры, живущие на скудные средства. Так их именуют богатеи, а зачастую и госчиновники. Одна высокопоставленная дама заявила, что не стоит выделять беднякам дорогие лекарства: «Нищоброды – отработанный материал, пусть мрут, их не жалко. Если не паразиты с вирусом, так что-то еще их убьет».

Скандал как-то замяли, но, как говорится, осадок остался. Остался и след в истории языка. Будущие лингвисты напишут: «Нищоброд» – так в России первой четверти XXI века богатые называли бедных.

ОТ СЛОВА СОВСЕМ

«Денег нет. От слова совсем». «Петь она не умеет – от слова совсем». Некоторые так говорят в последнее время. А остальные – плюются и возмущаются: «Нет, так говорить нельзя». Откуда взялась нелепая речевая причуда?

Была (да и сейчас, пожалуй, есть) такая шутка: художник от слова «худо». Вполне прозрачная: ясно, что у слова «художник» этимология совсем другая и сочетание «от слова» в данном случае – ирония, даже сарказм. Но «от слова совсем» – совсем другой случай, логическая аномалия. Что – от слова «совсем»? А ничего. Просто выверт.

Но и у причуд, и у вывертов есть научное объяснение. Лингвист Тамара Матвеева объясняет такие выкрутасы потребностью говорящих в усилении экспрессивности: «В известную форму вливается совсем другое содержание: не однокорневое слово, а слово-интенсификатор. Для экспрессивности же чем необычнее, тем лучше». Но тут же она предсказывает выражению «от слова совсем» короткую жизнь: «Все особенно яркое при частом повторении надоедает, превращается в штамп и через какое-то время отвергается».

Так что не стоит слишком кипятиться. Язык – существо живое и порой капризное. Заносит его иногда, как и нас с вами. Но это ненадолго.

ПО ЧЕСНОКУ

Место ли этому выражению в «Словаре модных слов»? Сомнения развеялись, когда, проходя по одной из улиц Казани, я увидел вывеску ресторана «По чесноку». Отсюда пошла уже целая федеральная сеть заведений с таким именем. Ресторанными брендами немодные слова не становятся. Так что давайте разбираться со странной предложно-падежной формой, ставшей новым наречием русского языка.

«По чесноку» в разговорной речи означает «честно», «откровенно», «начистоту». Поводом для рождения нового выражения послужило чисто

звуковое сходство слов «по-честному» и «по чесноку» («т» в первом слове – непроизносимый согласный, фонетически получается «по-чесному»). Примерно тот же случай, что с «похоже», превратившимся в «походу».

В строго литературной и официально речи «по чесноку» немислимо. А в речи фамильярно-простецкой оно живет без спросу. Герой-рассказчик романа Андрея Геласимова «Дом на Озерной» размышляет: «Он подозревал, что все это блажь, какая случается иногда с бабами, но теперь ясно видел – Томка не куролесит. Она двинулась “по чесноку”. И Степану сделалось не до смеха».

Другой современный прозаик – Шамиль Идиатуллин в своих романах «Город Брежнев» и «Бывшая Ленина» использует наречие «по чесноку» как речевую характеристику персонажей, как краску в картине эпохи. Он считает, что такова художественная необходимость: «Знаете, когда в историческом романе условные декабристы говорят современным языком, это лишает текст достоверности, а я попытался все сделать по чесноку».

ПОХОДУ

«Это, походу, где у меня жена работает, – сказал Петров», – читаем в культовом произведении 2010-х годов – романе Алексея Сальникова «Петровы в гриппе и вокруг него». Совершенно очевидно, что «походу» – разговорно-жаргонное словечко, заменяющее в речи героя вводное слово «похоже».

Откуда взялась эта замена? Каков ее смысл? Просто случайное звуковое сходство двух слов дало повод для шуточной игры, для дурашливого «коверканья» языка, которое почему-то закрепилось в речи. Сальников, писатель с чутким слухом, отдал щедрую дань этой рискованной лексической новинке и в другом романе – «Отдел»: «Они, походу, пивом обхлобучились, – тоже громким шепотом пояснил от двери Игорь Васильевич». Этот герой просто не расстается с новомодным перлом: «Далековато, но это, походу, единственный вариант, – сказал Игорь». «Они там озверели, походу. У нас человек только прибыл». И это еще не все.

Общественность, однако, это выраженьице не одобряет. И в онлайн, и в офлайн по адресу пресловутого «походу» звучит раздражение и даже возмущение. В нем видят мышление «ниже плинтуса», неуважение к русскому языку и даже к родине.

Красоты в этом «походу» действительно нет, особенного остроумия тоже. В интеллигентной речи оно неприемлемо. Пожалуй, стоит и детей предостеречь от шеголяния подобными словесами.

И тем не менее не будем запрещать самому языку иной раз подурочить-ся. Ну, самую чуточку. Вспоминается один прецедент шутливой «подмены» слова по звуковому сходству. Есть такое выражение: он к ней равнодушен. В нем людям виделась некоторая старомодность, и они стали, играючи, говорить: он к ней не ровно дышит. «К ней дышит» – не совсем правильно грамматически. И тем не менее сочетание закрепилось в языке. В Словаре Ожегова, в статье «Ровный», находим: «Не ровно дышит кто к кому (*прост., шутл.*) – равнодушен кто-н. к кому-н.». В качестве просторечного и шутливого нестандартное выражение попало в солидный словарь. Не уверен, что подобное произойдет со словом «походу», но как речевая примета эпохи Петровых и гриппа оно уже зафиксировано в художественной прозе. Как говорится, из песни слова не выкинешь.

ПРАНКЕР

Композитор Никита Богословский был не только автором самых задушевных песен советского времени, но и отъявленным пранкером. В юные годы он нашел в ленинградском телефонном справочнике номер абонента по имени Ангел Ангелович Ангелов, позвонил ему и спросил: «Можно Черта Чертовича?»

Тогда это называлось просто телефонным хулиганством. Композитор не дожил до времен, когда для таких шалостей нашлось приличное англоязычное наименование и в научной статье можно прочесть: «Речь идет о подростках, которые называют себя пранкерами – телефонными хулиганами». Причем для элементарного хамства находится не только объяснение, но даже и оправдание: «Разыгрывая “бабок” и “дедов”, пранкер не только “прикалывается”, но и знакомится с самыми яркими эмоциями взрослого мира». Хочется спросить написавшего эту фразу «антрополога»: если его отца или мать жестоким телефонным розыгрышем доведут до сердечного приступа, будет он радоваться «ярким эмоциям» пожилых людей?

Слово prank в англо-русских словарях переводится как «шалость, выходка, проделка, проказа, шутка, прикол, розыгрыш». Ох, слишком много слов! В нашем случае больше всего, наверное, уместен «розыгрыш». А слово pranker переводится как... «пранкер». Это говорит о том, что для появившихся в России мастеров телефонных розыгрышей уже было готово английское слово. Это как «футбол», который сразу пришел с английским именем: никакого «ножного мяча» у нас до этого не было.

Нет ни малейшей нужды рассказывать в этой книге про Вована и Лексуса – самых известных пранкеров России, телефонных охотников на звезд и на политиков. Потому что список их «жертв» – чисто спортивное достижение. Ни одного интересного сюжета лично я там не вижу. И, простите за субъективность, не смешно.

По контрасту вспомнил опять Никиту Богословского. Его розыгрыши были содержательными театральными перформансами. Попросил он однажды диктора Юрия Левитана записать фейковое объявление о присуждении государственных премий в области литературы и включил его на магнитофоне под видом радионовостей. Пригласил при этом на ужин одного бездарного конъюнктурного писателя, который был насколько наглым, что ждал высокой награды. И вдруг вместе со всеми гостями этот литературный халтурщик слышит, как голос знаменитого диктора называет его фамилию: «А Губареву – ни хрена». Так это же была не просто мистификация, это была блестящая сатира на советские литературные нравы!

А розыгрыши нынешних пранкеров скучны и рутинны. Пока – ни одной впечатляющей легенды, которую вспомнят в будущем.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ

«Не откладывай на завтра того, что можно сделать сегодня». Эта прописная истина звучит во всем мире на всех языках. А трудолюбивые немцы даже сложили двустишие: «Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faulen Leute». По-русски оно обычно переводится без рифмы: «Завтра, завтра, не сегодня! – так ленивцы (вариант: лентяи) говорят».

Казалось бы, это общее место, говорить и спорить тут не о чем. Но можно изобрести термин. А это любимое занятие грамотеев, особенно тех, кто знает латинскую грамоту. «Завтра» по-латыни – cras, «завтрашний» – crastinus, а отглагольное существительное procrastinatio в значении

программист скажет: «Пельмени я выбрал случайно» – то это не более чем шутка. «Случайный» не стал даже стабильным жаргонизмом.

Двери большинства словарей пока для слова «случайный» закрыты. Как узкоспециальный термин пускай живет, но в общелитературном языке ему, похоже, делать нечего, хотя им и щеголяют представительницы сомнительных фирм. Нет никаких оснований ни с того ни с сего заменять прилагательное «случайный» на «случайный». Не станем по-новому петь романс П.И. Чайковского на стихи А.К. Толстого: «Средь шумного бала, случайно...»

СТРИМ

Подобно тому, как английская королевская семья состояла в родстве с российскими царями, так и старинное английское слово stream (поток, течение) восходит к той же индоевропейской основе, что наша «струя». Гольфстрим, мейнстрим... Русскому уху в «стриме» слышится шум текущей воды.

Струится не только вода, струиться может свет, звук, человеческая речь. Точно такие же метафоры производятся от «стрима». Как термин он сегодня означает «прямой эфир на интернет-сервисе». Появилось множество «стримеров» – как профессионалов, так и любителей. Кто не видел «прямых трансляций» в социальных сетях! То непризнанный стихотворец читает подряд свои стихи, надеясь обрести читателей и понимающих. То девушка, уставшая от одиночества, визуально выводит на экран поток своей обыденной жизни. Кому-то смешно, а я ей сочувствую и вспоминаю горькие строки Ахматовой: «...И до света не слушаешь ты, / Как струится поток доказательств / Несравненной моей правоты».

У каждого из нас в душе есть поток, струение, стрим. Интернет создал возможность вывести эту стихию наружу. А в нынешней российской литературе поэтика информационного потока наиболее наглядно представлена в бесконечном, продолжающемся цикле романов и новелл Виктора Пелевина. Все, что есть в современном мире, туда попадает и творчески обрабатывается.

В романе Пелевина «КGBТ+» слово «стрим» встречается особенно часто. Автор придумал своеобразную профессию – «вбойщик». Это нечто среднее между рэпером и блогером: и писатель, и артист, и пропагандист: «У рэперов бывают концерты. У вбойщиков – тоже, хотя чаще их называют стримами».

Посредством стримов в сознание людей не просто передается, а «вбивается» информация, в том числе художественная. Фантазия писателя переключается с реальностью. Кто-то получает свою дозу «стрима», сидя у экрана телевизора, кто-то – не отликая от смартфона...

Нравится нам это или нет, но «стрим» стал метафорой современного состояния культуры.

ТОКСИЧНЫЙ

Само по себе слово «токсичный» (как и «токсический») – отнюдь не новое. В значении «ядовитый, отравляющий» оно существует в русском языке более ста лет. Постоянно говорят и пишут о токсичных веществах, химикатах и так далее.

А вот «токсичный человек» вошел в культурное и языковое сознание совсем недавно. И по-английски (toxic man, toxic person), и по-русски. Так

называют людей, которые почти в буквальном смысле отравляют нашу жизнь. Людей болезненно-мрачных, завистливых, не в меру обидчивых, склонных огульно критиковать все и всех, всегда уверенных в своей правоте, равнодушных к чужим мыслям и чувствам, создающих ненужное напряжение. Иногда к этому перечню добавляют отсутствие чувства юмора, лживость, вспыльчивость, нежелание брать на себя ответственность... Под определение «токсичный» попадают чуть ли не все грехи и пороки.

Вроде бы все ясно на сто процентов. Не надо быть токсичным человеком. А токсичных людей стоит по возможности избегать. Если вы поняли, что перед вами токсичный субъект, – сокращайте контакты с ним до минимума. Но...

Не на сто процентов это правильно, а, скажем так, на девяносто девять. Прислушаемся к мудрому Козьме Пруткову. В его цикле «Плоды раздумья. Мысли и афоризмы» за номером 116 имеется такая сентенция: «Пороки входят в состав добродетели, как ядовитые снадобья в состав целебных средств». Не так просто устроен человек: во всяком из нас есть и доброе, и злое начало. И каждого человека мы в силах повернуть к себе светлой стороной. А ограждая себя от всякой «токсичности» в отношениях, не делаем ли мы наше общение с людьми слишком комфортным и приторно-сладким?

Избавляясь от психологических «токсинов», не избегаем ли мы разумно-конструктивной критики по своему адресу, не отделяемся ли от «сложных», нестандартных, требовательных людей, взаимодействие с которыми могло бы нас обогатить духовно? Удаляя любые «яды», не обедняем ли мы свой жизненный опыт, не сужаем ли свой кругозор?

Модные слова помогают увидеть новое в жизни, но злоупотребление ими порой ведет к упрощению картины мира.

ТРИГГЕР

28 июня 1914 года сербский студент Гаврило Принцип взвел курок и застрелил австрийского эрцгерцога Фердинанда. Курок по-английски – trigger. Событие это в англоязычном мире потом назвали «the trigger of the war», поскольку оно послужило поводом для начала Первой мировой войны. В таком переносном значении слово «триггер» вошло и в русский язык.

«Триггер» как «что-то, приводящее в действие нечто» – распространенный термин в электронике, в психологии, даже в мануальной терапии и в массажном деле («триггерные» точки – это такие, прикосновение к которым вызывает наибольшую боль). Для человека, пережившего психическую травму, триггер – это воспоминание, подробность, сигнал, об этой травме напоминающий. Герой популярного телесериала «Триггер» – психотерапевт, работающий с использованием триггеров для излечения пациентов и наживающий на этом пути множество неприятностей.

Это значение в житейском плане, пожалуй, самое актуальное – ввиду большой психологической уязвимости современного человека. Словом «триггер» пока еще можно щегольнуть в разговоре, но сильно им уже никого не удивишь. Годик-другой – и это будет не модное, а обычное слово.

ХАЙП

Отталкивающее слово. Значений у него много, и все дурные. Агрессивная, навязчивая реклама. Шумиха. Надувательство, мошенничество.

«Хайпом» в современной речи решительно вытесняется «пиар», который теперь выглядит словом слишком чинным и сдержанным.

Пришел к нам «хайп» из английского языка, где тоже означает «шумиху», но звучит все же не так грубо. Может быть, потому, что происходит от греческого слова «гипербола» – *hyperbole* (произносится «хайпэбли»).

Тут, наверное, важна фонетика, звуковые переключки. Какие ассоциации вызывает «хайп» у носителя русского языка?

Хай (ругань, громкие крики, скандал). Например, у Наринэ Абгарян в книге про Манюню: «Поднимала такой визгливый хай, что хоть стой, хоть падай».

Хайло (просторечное «горло, глотка»).

Хайпануть (в общем ведь стратегия хайпа именно такова: недаром появился глагол «хайпануть»).

Ну и, конечно, *хам*. Хайп – и в деловой жизни, и в информационной сфере – часто сопровождается элементарным хамством.

А приличные, достойные люди хайпом не занимаются.

ХАРАССМЕНТ

Слово с гулким, тревожным звучанием и страшноватым значением вошло в наш язык без стука и село на свободное место. Не было у нас слова, чтобы точно назвать весьма распространенное социальное явление. Некоторые и сейчас морщатся, слыша о харассменте. «Не наше это слово, какое-то дурацкое», – говорит в интервью молодая киноактриса.

Хотя еще в 2001 году на страницах популярнейшего издания «Аргументы и факты» можно было прочесть: «Две студентки обвинили его в харассменте (сексуальном домогательстве)». Речь шла о профессоре Гарвардского университета. Но потом обнаружилось, что аналогичные казусы имеют место в Российской Федерации, а кое-кто у нас порой грешил харассментом и в СССР.

Заметьте, сразу был предложен адекватный русский эквивалент: сексуальное домогательство. «Домогаться» – нормальный русский глагол, но он немножко отдает стариной. Современные носители русского языка не очень уверенно с ним обращаются. В Государственной Думе шла полемика о проблеме секса в советском прошлом, и женщина-депутат решительно заявила: «Лично меня никто не домогивался».

Неубедительно выглядят и предложения переименовать харассмент в «приставание» или «досаждение». Последнее существительное выглядит просто комично. Почему оно возникло в этом контексте? Потому что понятие *harassment* связано не только с сексуальными приставаниями. Читаем в сетевом источнике: «Харассментом можно также назвать возрастную дискриминацию, национальную, расовую, религиозную и даже дискриминацию из-за физических или интеллектуальных особенностей человека». Не годится робкое «досаждение» для такого широкого негативного понятия. Не годится и «издевательство» – слишком субъективно и для юридического термина расплывчато.

Какие еще есть предложения?

А в разговорном русском языке меж тем родился жаргонный глагол «харассить». У него есть и узкое значение (подвергать сексуальным домогательствам), и широкое (изводить, мучить кого-либо нападками, преследованиями; травить). Словечко, скажем прямо, неязашное. Но, кажется, тем, кто свободно владеет английским и кому до пенсии еще далеко, оно вполне понятно.

ХЕЙТЕР

Часто говорят: зачем нам заимствовать то или иное иностранное слово, когда есть хорошее русское слово с тождественным значением?

Но порой русский язык импортирует иноязычный лексический товар не потому, что он «лучше», а потому, что он проще, грубее, прозаичнее.

Так произошло с английскими словами hate («ненавидеть») и hater («ненавистник»). Новые русские слова «хейтер» и «хейт» принадлежат к дискурсу обиденному, приземленному. Это не совсем то, что наша высокая «ненависть», воспетая поэтами: «То сердце не научится любить, / Которое устало ненавидеть», – учил нас великий Некрасов. «Но благородная ненависть наша / Рядом с любовью живет!» – продолжил тему его последователь Высоцкий. А «хейтеры» – это отнюдь не поэты, а мелкие людишки, которые компенсируют собственную ничтожность озлоблением на окружающих, в особенности – на людей состоявшихся. Хейтеры – завсегдатаи интернета, где можно безнаказанно гадить ближним – знакомым или незнакомым. По отношению к этим врединам слова «ненавистник» и «недоброжелатель» звучали бы слишком торжественно.

Так же и «хейт» – не глубокая ненависть, а мелкая злоба или глупая вздорность. Вот известный футболист после матча отказался пожать руку тренеру соперников. «У него постоянные обидки. Не тот объект выбрал для хейта», – комментируют болельщики. Иначе как дурацким «хейтом» такое поведение не объяснишь.

А бывает так, что иной друг-приятель по сути оказывается твоим хейтером. От таких стоит держаться подальше.

ЭМПАТИЯ

Это слово стремительно ворвалось в нашу речь и стало чрезвычайно частотным. Попросту говоря, оно означает способность сопереживать другому человеку. Если точнее, то это еще и умение «вчувствоваться». А если еще точнее – это сопереживание осознанное, основанное на гармонии разума и чувства.

Слово греческое, однокоренное «симпатии» (взимовлечению). Возникло в XX веке как научный термин по модели немецкого слова Einfühlung («вчувствование»).

В наших словарях появилось совсем недавно, причем с двумя вариантами ударения: эмпа́тия и эмпа́тия. В разговорной речи второй вариант практически не встречается. «Эмпатию» наши соотечественники приняли с большой симпатией и стали активно ее эксплуатировать в своих речах.

«Но такой аккуратный, ладный и чувствующий людей. Потрясающее чувство эмпатии! Женщины его всегда обожали», – читаем в интернетном форуме.

Психологи считают, что нормальному человеку эмпатия присуща природно. Ее отсутствие – аномалия. Ее пробуждение – признак того, что человек психически нормален. Вот характерный пример из современной прозы: «Пока ты спал, к тебе приходила эта, депрессивная из восьмой палаты. Сидела тут, чего-то шептала. Главврач удивлялась. Она ведь полгода не вставала. А тут вдруг эмпатия, спрашивала, что с тобой. Интерес к людям. Думали, она галлюцинирует, но нет, сознание ясное» (Слава Сэ. «Ева»).

Эмпатия стала такой общепризнанной ценностью, что о ней порой начинают говорить с иронией: «Млекопитающие очень склонны к эмпатии», – скептически замечает героиня повести Алексея Сальникова «Отдел».

Как бы то ни было, большинство из нас стоит за эмпатию как таковую. Остается только от красивого слова перейти к делу. И начать реально понимать чувства окружающих – близких и далеких.

Того же ждут читатели от писателей. Известный петербургский филолог Владимир Емельянов утверждает: «Когда появится литература эмпатии, литература сердца – она без всяких премий пробьет себе дорогу».

С этим трудно не согласиться.

Я ВАС УСЛЫШАЛ

Долго я разбирался с этим выражением. Помнится, как-то спрашиваю президента факультета журналистики МГУ Я. Н. Засурского:

– Что предложите включить в «Словарь модных слов»? Какое словечко вас удивило или раздражило в последнее время?

Отвечает:

– Вот стали говорить: «Я вас услышал». В значении: я вас понял, я принял к сведению. Мне это не очень нравится.

Думаю: тут целых три слова, стоит ли включать в словарь целую фразу? Но все-таки стал внимательнее следить за речью окружающих и убедился, что речение это очень популярно. Оно по сути превратилось в эдакое слитное слово – «я-вас-услышал». Звучит повсюду. И в основном вызывает у людей недовольство.

«Что-то среднее между “спасибо” и “идите на хрен”», – такой смысл прочитывают в этом новоявленном «меме». Людям кажется, что при помощи фразы «Я вас услышал» от них просто отделяются.

А может быть, это русский эквивалент английского «I got it», как предполагает филолог и журналист Марина Королева? Но почему тогда не «я понял», как точно переводится эта фраза? Понимание дает какую-то надежду, а тот факт, что меня некто услышал, ничего еще не значит.

Да, выступать адвокатом нового ходового речения я не берусь. Не стоит говорить «Я вас услышал» в официальных, ответственных ситуациях. Не должен так говорить руководитель подчиненному, а подчиненный руководителю. Неприлично, если младший по возрасту так ответит старшему, да и старцам, беседующим с юными, я не советовал бы пользоваться столь легкомысленной фразой.

Это выражение сугубо разговорное и – более того – фамильярное. Оно уместно в доверительно-шутливом разговоре. Симпатичная женщина-врач в ответ на мою просьбу как-то сказала с улыбкой: «Ну, как говорят теперь, я вас услышала». И потом добросовестно выполнила свое обещание. Тут важна интонация, важна атмосфера разговора.

А для меня это рискованное выражение приобрело особый, профессиональный смысл. Начав в конце прошлого столетия писать о языке, я сделался своего рода лингвистическим шпионом. Вы и не догадываетесь, что я вас подслушиваю – на улице, в транспорте, в магазине. Таким способом я собираю материал для своих эссе о языке и культуре речи. Ну и, конечно, выслеживаю новых «персонажей» для «Словаря модных слов». Так я в конце концов нашел, какой главкой завершить словарь русской речевой моды первой четверти XXI века.

«Я вас услышал», – говорю на прощание читателям. Услышал – и запечатлел вашу сегодняшнюю речь в этой книжке.